

Андрей Никитин

Талисман

*Вот иду я на работу, четвертак в кармане,
Чувство силы и защиты вновь меня
дурманит.*

*Обошёл и люк открытый и собаку злую,
На работе был аванс, коллеги долг вернули.*

*Вот домой шагаю я, от счастья чуть не
плачу,
Ведь всегда в кармане я, держу свою удачу.
В дом вошёл, рубашку снял, с полки взял
конфету,*

И гляжу на стуле, вдруг, вот моя монета!

*Как же вышло, что её забыл я утром рано?
Размышляю и смотрю, на блики талисмана.
Вышел пот на всём лице, и к себе придирка,
Сунул руку я в карман, а в кармане... дырка.*

Парень, напечатавший эти строки шумно стуча по клавиатуре, довольно откинулся на спинку стула, и с улыбкой мысленно оценивал реакцию на свой стих.

В дверь постучали, парень повернул голову в

сторону старой серой двери, запертой, и отгораживающей его от внешнего мира. Со стуком в сердце он смотрел на ручку двери, которая начала активно дёргаться. Кто-то стремился войти в покрытую мраком комнату, в которой одиноко сидел парень. Он не двигался.

Он постучал пальцем по столу, и резко подавшись вперёд, как водитель при аварийном торможении, решил дописать ещё одно послание, приготовленное заранее, затем нажал кнопку отправить. По вихревым зигзагам сетевых путей, сообщение полетело получателю. Парень улыбнулся, расслабленно сидя в кресле, и глядя на запертую дверь. Он ощущал дрожь по телу, от своего поступка, но был доволен собой, отослав подобное оголяющее реальность послание, так как относился скептически к подобным талисманам, и не верил в их силу.

Стук по двери стал громче, и парень встал со стула, пройдя к запертой изнутри двери. За ним пришли, отрывая его от волшебного мира выдуманных, воздушных как облако историй, и поставив на землю, как сувенирную статуэтку. Он вздохнул, повернул ключ в замке, и открыл дверь.

Чтоб понять, почему парень был доволен, и что написал во втором сообщении, заставившим его вознести свои мысли к самодовольным высотам, и утвердить понятия о твёрдости фактов,

превосходящих фольклор, следует описать предысторию. Это часть его жизни, ставшая переломной и определившая его дальнейшую судьбу. События, повлиявшие на поведение и настроение парня, написавшего стишок. События, которые направили его мысли в определённую сторону, и втёрли в них словесную кашу, а её парень хорошо умел переваривать и превращать в оконченные контрастные стихи, со скрытым смыслом.

Итак, начнём.

Глава 1

Знакомство

Юра

Юра любил читать. С детства он впитывал книги, как листья солнечный свет. Его мечтой было стать автором. Он читал много, начиная от школьной программы, которую учителя вводят в головы учеников, как жетоны в игровые автоматы, и заканчивая старыми книгами, пыль на которых была со времён СССР. Сразу следует отметить, что его интересы не касались политических сторон литературного многогранника. Политика и история для Юры походили на плавание в грязной воде.

Переплыть эту реку можно, но она сильно задерживает творческого человека, и пачкает его, отбивая интерес войти в неё ещё раз. Совсем другое дело литература художественная, толкающая вверх, ближе к мечтам. Юра всегда приходил в восторг, как ребёнок, который впервые наблюдает салюты, если в книге приводились удачные сравнения, или фразы. Юра любил неожиданные повороты сюжетов, они бодрили его до дрожи. Когда впервые он прочёл «Десять негритят» Агаты Кристи, он ощутил себя выдернутым из этого мира. словно при нём произошло волшебство, как после сеанса Копперфильда. Юра просто сидел, глядел в окно и испускал феромоны удовольствия, а рядом лежала возбуждавшая его книга. Он был уверен, что где-то в этом мире так же сидит человек, и держит в руках прочитанный шедевр английской писательницы, разделяя приятный трепет. Эта мысль заставляла его кровь циркулировать быстрее, и улыбка не покидала лица. Но что если самому попробовать написать книгу? И тогда он сможет приводить в восторг людей, если не всей страны, то уж точно нескольких своих знакомых (некоторых, лишь одним упоминанием, что он стал автором). Например, родителей и друзей. И причиной их восторга будет он сам! Подобная мысль бодрит лучше пробежки зимним утром. И не только бодрит тело, но и освежает голову.

Но, увы, Юра пошёл не по тому пути. После того, как он попробовал написать рассказ, он больше не пытался. Он долго сидел с карандашом в руке, и старался выдавить из себя, как пасту из тюбика, поток мыслей на бумагу, но всё получилось не так просто как хотелось. Ему казалось, что голова переполнена идеями, и они сверкают, как сапфиры на солнце, вылетая из его головы в виде ярких и крепких фраз. Однако, когда он подносил карандаш к бумаге, всё меркло, и тускнело. Возможно от того, что поток его родника иссякал, либо от того, что он видел слова в другом свете. Фразы казались глупыми, а идеи зализанными, как собачьи раны.

В тот вечер он вывел на листке всего несколько слов.

Саша и Света вошли в дом.

После этих слов лист был пуст. Юра просидел некоторое время, думая над текстом. В голове всё было просто. До смешного простой сюжет. Парень с девушкой, они же брат и сестра, приходят в дом к новым соседям, и не застают никого. Дверь в дом нараспашку. Они решают проверить, как обстоят дела у жильцов, и почему хозяева забыли закрыть дверь. Конечно же, видят как за домом в сарае работает ручная пила, и новые соседи расчлениают свою пожилую родственницу (тогда это казалось Юре оригинальным и ярким). Это выясняется

обнаружением отрезанной кисти прямо в прихожей, из которой вытекает кровь на ковёр.

Всё это хорошо знакомо, но Юра не смог излить и половину воображаемой истории на бумагу. Мысли витали вокруг, но подобно мыльным пузырям лопались, не долетая до поверхности бумаги. Он ощущал себя школьником в ракетном комплексе при запуске спутника. С инструктором всё просто, а когда остаёшься один, едва ли тебе могут помочь твои знания теории. Казалось бы, сядь и пиши! Но видно не каждому это под силу с первого раза. А пробовать писать второй раз Юра не решался. Он отложил ручку, посчитав себя не способным на переход в интереснейший мир литературы. Сюжет ещё долго сидел в голове, принося неловкое ощущение, подобно герпесу. Действительно, с первого раза не вышло, а ведь так хотелось. В рвении, хочется взять и выложить историю. Выложить залпом, как опустошают стакан штрафники, опоздавшие на юбилей. Написать, и поскорее дать прочесть родным. Гордо вручая лист, протянув руку, стоя с ровной спиной, и готовясь отбиваться от комплиментов, наслаждаясь удивлённо-улыбчивыми взглядами.

Юра взял с полки книгу, и начал читать. Детективы помогли ему найти себя (хоть он этого тогда и не знал). Читая их, он мог часто предсказать

развязку. Узнав кто и как, убил жертву, ещё до того, как автор осторожно поднимет занавес. Это не всегда удавалось, но однажды, когда он угадал мотив и план, а в книге всё подтвердилось, его глаза вспыхнули, в сердце родилось самодовольство, и загло его подобно напалму, жаром распространившись по телу. Жаль, что в такие моменты не с кем поделиться радостью! Он на секунду прикрыл книгу, наслаждаясь ощущением победы. Так бывает, когда за партией в шашки видишь неудачный ход, и противник (в этот момент мы благодарим Бога) его делает. После разгадки парень, словно сам стал автором на короткое мгновение.

Юра решил, что хочет разгадывать эти загадки в реальной жизни. Книга это хорошо, но кто скажет ему слова благодарности или восхищения при прочтении рассказа? Кроме родителей вряд ли кто-то оценит его молодой, но крепнувший потенциал. А если он поймает лысоватого подонка, типа Чикатилло, тогда его заметят. И тогда получится совместить приятное с полезным (что по возможности необходимо делать постоянно, как говорит отец Юры).

Дед Юры, служивший моряком, часто бывал за границей, и мог привести своему внуку новенькие книги, ещё пахнущие чернилами и бумагой. Книги любимого жанра внука —

детектива. С того момента парень и решил учиться на следователя.

С тех пор прошло некоторое время, Юра окончил школу, и поступил в университет. Новый предмет, начало его второго учебного года. Осенняя прохлада, и печальные воспоминания ушедшего лета. Тёмная интригующая неизвестность.

В кабинете на третьем этаже было просторно и светло. Приятный мягкий свет, падающий из окон, поднимал настроение. На подоконниках стояли вазоны с цветами. Студенты готовились к лекции по криминалистике. Первой лекции в новом учебном году. Настроение у всех было игривым. Юра учился по специальности, которую он выбрал ещё в детстве. Не всегда удаётся сопоставить увлечения с будущей работой, но Юра надеялся, что ему это удастся. Студенты начали занимать места. Юра с приятелем выбрали вторую парту.

Юра, высокий парень, спортивного телосложения, с аккуратной причёской, как всегда опрятно одет. Выбор стиля одежды у студентов по большей части свободный. Юра носил джинсы и лёгкий свитер, коричневого цвета. Сейчас он в раздумьях подошёл к парте, словно оценивая её покрытие. Он достал монету, бросил её, и тут же поймал в ладонь, затем поставил ребром на парту, и, придерживая двумя пальцами, приготовился

раскрутить.

— Орёл, я сижу у окна, решка ты сидишь, согласен? — вызывающе обратился Юра к своему другу, глядя на него. Руслан, невысокий парень с густой шевелюрой, которая зачастую спадает на глаза, кивнул. Студенты группы, разглядывали плакаты с рисунками оружия и боевых захватов. Криминалистика, наука о следах преступления, и Юра был готов углубиться в предмет, впитывая его подобно губке, если тот окажется интересным. В кабинете гулко шумели голоса, кто-то открыл окно, и выглядывал вниз. Никто не смотрел на Юру с Русланом.

— Ладно, давай. — Сказал Руслан. Если бы Юра не заострил внимание на выборе места, Руслан мог бы сесть с краю, но сейчас был заинтригован, и глядел на монетку, как кобра на жертву.

Юра запустил монету, толкнув её ногтем. Она пустилась крутиться, отсвечивая металлическим покрытием свет солнца, идущий от окна. Отскочила к краю стола, и стала затихать, плавно сбрасывая скорость. Теперь можно было разглядеть быстро мелькающий герб Польши, и цифру 25, с противоположной стороны. Юра прибил сверху монету ладонью, и посмотрел на приятеля.

— Сейчас всё станет ясно, — интригуяще сказал Юра. Лицо его стало серьёзным, словно речь шла не о месте у окна, а об участке, для постройки

дома. Он поднял ладонь, стала видна лежащая монета. Орёл.

— Я у окна. — Сказал Юра и взял со стола монету. Он прошёл через стулья к окну, и гордо сел.

— Ты жульничал. — Возмутился Руслан.

— Как тут можно было жульничать? Ты же сам видел. Чисто везение, и ничего больше. Сама судьба позволяет мне занять лучшее место.

Юра любил вид из окна. Он помогал скорее прогнать слюнявые речи, идущие со стороны доски, в тех случаях, когда предмет был неинтересен. Предметы такого типа как география и история, Юра терпеть не мог. Он не способен был запомнить места, где Бог зарыл полезные ископаемые, или год, когда их откопали. Сегодняшний предмет новый, но подстраховаться не помешает. В конце концов, место в аудитории выбирают всего один раз. В некоторой степени, когда сидишь у окна, чувствуешь себя победителем.

В кабинет вошёл преподаватель и шум прекратился. Студенты нехотя расселись по местам. С задних парт слышалось шептание.

— Меня зовут Василий Валентинович, — начал преподаватель, положив папку на стол. Сам стал возле доски. — Я буду вести у вас криминалистику весь семестр. Так что, как говорил один кот, давайте жить дружно.

По кабинету прошёл смешок. Юра достал тетрадь, и записал на краю тетради имя преподавателя, а в скобках записал «Леопольд». Так удачно пришедшая мысль о прозвище, чётко подходила. Василий Валентинович был худым, немного лысоватым, со смешным лицом, которое даже в его годы больше походило на детское, или скорее на мультяшное. Одним словом лицо человека, не умеющего сердиться. Иногда по собеседнику сразу видно можно ли наступить ему на хвост без опасений, или же он укусит тебя за ногу. Василий Валентинович был из первых.

— Сейчас заполните анкеты, чтоб я собрал о вас всю необходимую информацию. — Сказал Василий Валентинович, и раздал ребятам бланки с вопросами. Он делал это под громкий шепот и возгласы, а так же смешки с задних рядов. Юра возмущённо покрутил анкету, и взглядом явного неодобрения посмотрел на Руслана.

— Для чего нам заполнять анкеты?

— Понятия не имею. — Ответил Руслан, держа в руках лист бумаги.

После пары Юра с Русланом вышли вместе. Лекция оказалась не такой скучной, как Юра себе представлял, было интересно. Но пёстрые речи Василия остались в аудитории, и звонок, подобно солнечным лучам, развеивающим утренний туман,

оградил ребят стеной от дальнейшего проявления интереса к предмету. После покидания аудитории, все разговоры перешли на другую тему.

— Не понимаю, зачем в анкете писать имя и фамилию лучшего друга? — спросил Юра. Он был искренне удивлён, и не скрывал этого. Вот первая загадка, над которой следует поломать голову. Загадка по теме.

— А ты кого написал? — заинтересованно спросил Руслан, надеясь на взаимность. Словно он вытянул лотерейный билет, и ожидал результата викторины, обращаясь к судьё. Он не хотел говорить, что написал в анкете Юру, но по взгляду и напористости, Юра об этом догадался.

— Своего лучшего друга, Диму. — Быстро и без задержки ответил Юра, наблюдая за реакцией парня. Юра не хотел оскорбить или обидеть Руслана, просто сказал правду. Его лучшим другом был Дима. Юра не посчитал это столь важным, и не подозревал, что мог накинуть тонкую, как шёлк, обиду на плечи приятеля, скрывшего горечь в глубине надрывающейся криком души.

— А я тебя записал. — Сказал Руслан немного расстроено. Вопрос чисто символический, а насколько стало пусто внутри, будто его выгнали из дому. Руслан мгновенно пожалел, что спросил Юру. Лучше бы всё оставалось в мутной, но дающей надежду неизвестности.

— Да? — с грубой прямоотой, выдал Юра, — ну что же. Сегодня ни одна пара не совпала, возможно, в дальнейшем вам повезёт. — Дерзко, и без оттенка попытки сгладить свою речь, сказал Юра, пародируя шоу девяностых годов «Любовь с первого взгляда». Руслан улыбнулся, но доля обиды осталась. Лучший друг может быть лишь один, и Руслан принял это, никогда не предъявляя претензий Юре. Одновременно он чувствовал некоторую обиду, сроду той, когда ребёнка не берут играть.

Они стояли в шумном коридоре. Толпы студентов оглашали громом здание университета. Смешанные как потоки воды, голоса, и топот ног, определяли время перемены. По соседству с ребятами находилась лаборатория. Из неё доносилось тонкое гудение, словно это была электроштитовая, на дверь которой забыли нацепить табличку. Некоторые студенты обращали на неё внимание, другие просто проходили мимо.

— Что в этом кабинете? — спросил Юра преподавателя, который уже закрыл дверь аудитории на ключ, и собирался уходить. Он чутко оглянулся, оценив любопытные взгляды направленные на него подобно прожекторам. За Юрой стоял Руслан, из-за его спины выглядывали ещё два любопытных студента, шепчась между собой.

— Там лаборатория, — просто сказал Василий Валентинович, правильно подразумевая, что столь плоский ответ не удовлетворит любопытства ребят.

— Проводят эксперименты? — не отставал Юра. Он сказал это намеренно громко, стараясь акцентировать внимание на запрете и привлечь наибольшее, по возможности, количество сторонников, жаждущих знать правду.

— Вы всё узнаете, в скором времени. Ваша профессия обязывает вас всегда быть начеку и думать больше остальных. Похвально, что вы так быстро вошли в образ. Этот кабинет мы обязательно посетим, но не сегодня, ребята.

— Что там так шумит? Похоже на генератор.

— Юра, ты задаёшь много вопросов, тебе не кажется? Я же уже ответил тебе на твоё рвение отказом. Скоро ты всё узнаешь. Терпение помогло завоевать Трою, а не рвение наобум.

— Я же будущий следователь, я стремлюсь узнавать всё вокруг. Тем более Трою завоевала хитрость, а не терпение.

— И терпение тоже, Юра, — со знанием дела сказал преподаватель, — не торопи события. Ты знаешь, что происходит с человеком, который добрался до света в конце тоннеля?

— Он узнаёт тайны потустороннего?

— Он перестаёт жить, Юра. Узнать тайну потустороннего мира можно, лишь перестав жить.

— Не всегда. — Быстро сказал Юра. Подобное настойчивое внушение идей, выглядело грубо и нагло, что начало немного раздражать. Василий Валентинович ничего не ответил на это, он одарил Юру презрительным взглядом, и проверил заперта ли дверь, дёрнув за ручку. Повторное оглашение запрета он посчитал лишним унижением при студентах, и повернулся, чтоб уйти.

— Пошли, Юра. — Сказал Руслан и потянул приятеля за рукав, развернувшись в сторону. Два студента, стоявшие за спиной Руслана ушли, посчитав, что сегодня ящик Пандоры не станет открываться, а значит пора уходить. Юра ничего не сказал, лишь смотрел в последний раз на закрытую дверь лаборатории, и из глубины его активных серых клеток восстали разнообразные мысленные образы, очерчивающие границы законности, плотно прилегающей с разработками за запертыми дверями, которые скрывают от студентов. После этого он развернулся и отправился по коридору, пытаясь погасить разгоревшееся пламя любопытства, сбив его мыслями о следующей лекции.

— Надо спросить у старших курсов, что там за дверью. Они наверняка знают. — Сказал Юра, обращаясь к приятелю. Руслан кивнул.

— Юра! — крикнул Василий Валентинович. Юра с Русланом одновременно оглянулись, и

увидели, как преподаватель, идя быстрым шагом, догнал их.

— Можно тебя на два слова?

Юра посмотрел в глаза другу, словно спрашивая разрешения. За ту секунду, что они переглянулись, всё было понятно, будто они ловили мысли друг друга, как воздушные поцелуи.

Что ему от меня нужно?

Не знаю, приятель. Отойди с ним, и узнаешь.

Юра пожал плечами, затем подошёл к своему преподавателю.

— Юра. Ты парень смысленый, я погляжу. — Сказала Василий, когда они отошли в сторону. Некоторая напряжённость заставила Юру слушать внимательно, и не отрывать взгляда от доброго лица.

— Я не могу этого сказать. Это виднее со стороны. Если я так скажу про себя, это будет субъективное мнение, иначе говоря, хвастовство. Не лучшая черта будущего следователя, как считаете? — с оттенком гордости сказал Юра. Он любил подобные философские замечания. Василий наклонился к нему, затем прошептал ему на ухо:

— Хочешь узнать, что в лаборатории?

Юра кивнул, и от неожиданности кивок получился неуклюжим. Этот жест выдал его нетерпение, и явное любопытство. Прежде всего Юра не понял, почему из всей группы, Василий

выбрал его. Подобный факт сладостно льстил, и приводил в возбуждение, спящее обычно самодовольство парня.

— После пар задержись на минут двадцать, я тебе покажу, — дружелюбно сказал Василий, и оглядел глазами проходящих студентов. Он выровнялся, и сделал строгий вид. — Только никому не говори. Пока что.

— Хорошо, — с радостью сказал Юра. — Не скажу.

Василий развернулся и пошёл вдоль по коридору, смешиваясь по мере удаления со студентами. Юра несколько секунд смотрел на его тощую фигуру, на которой болтался костюм, будто на размер больше положенного, затем повернулся к Руслану.

— Что он хотел? — спросил Руслан, подойдя ближе.

— Ничего.

Юра вновь повернулся в сторону Василия. Он не мог решить, сказать правду или нет. Чаша весов колебалась, и наконец, ощутимо перевесила.

— Посоветовал взять книги по его предмету в библиотеке, — сказал Юра и посмотрел на Руслана. — А то разобрать могут.

— Понятно.

После четвёртой пары Юра торопливо вышел из кабинета, и направился в сторону лаборатории.

Он волновался, и сам не знал из-за чего. Невидимое чувство окутало его как тонкие нити паутины, заставив сердце парня работать сверхурочно. Сев на подоконник Юра ждал возле лаборатории. Время начало тянуться, как подогретая резина. Из окна второго этажа он оглядывал выходящих студентов, инстинктивно выискивая знакомые лица. Улыбки ребят сверкали, и сообщали о наступлении конца учебного дня. Юра ждал. Он сидел на подоконнике десять минут, после чего заметил твёрдый, и грубый силуэт Василия Валентиновича. Он шёл по коридору, выделяясь среди студентов, как дерево в поле. Когда их глаза встретились, он кивнул Юре.

Парень бодро спрыгнул с подоконника, ощущая, как отёкшие ноги напрягаются, чтоб удержать вертикально его тело. Юра подошёл к преподавателю. Василий Валентинович немного улыбнулся, будто намереваясь совершить нечто противозаконное, но весёлое. Одновременно он старался не привлекать внимание. По его усилиям и тусклому взгляду, впитывающему все взоры коридорного потока учеников, Юра понял, что он не стремился скрыть своё намерение посетить лабораторию, по причине невозможности. Василий косо глянул на проходящих мимо студентов, и начал открывать дверь. Связка ключей зазвенела, его рука начала активно дёргаться. Он открыл лабораторию, прошёл внутрь, за ним прошёл Юра.

Дверь он закрыл изнутри. С того момента, когда Юра спрыгнул с подоконника, никто из них не проронил ни слова. Тонким чутьём они соглашались, что тишина сейчас является некой необходимостью, будто мостом между их мыслями, с помощью которого они намеревались вести беседу в любой обстановке.

— О том, что ты увидишь, никому ни слова, договорились? — начал разговор Василий, разбавив обет молчания, временно вонзившийся в сферу их скромного общества. Он закрыл дверь, включил свет. Его голос звучал мягко, и легко, подготавливая Юру к важному моменту в жизни. Сама фраза действовала мистически, и завораживающе. Страх Юра не ощущал, что не удивительно, ведь старшие курсы все поголовно прошли через этот кабинет. Василий предупреждал о молчании по привычке. Юра подумал, что слышит эту фразу далеко не первый.

— Само собой. — Коротко сказал Юра. В словах граничила гордость с насмешкой.

Помещение было узким, метра два шириной, но длинным. Тусклый свет, мерное гудение лампочек, и сырость из-за отсутствия окон. Урна в углу помещения говорила о редком посещении уборщицы. В помещении стояли парты, стол преподавателя, и монитор на всю стену, ворошащий воспоминания о кинотеатре. Привычной доски не

было. Но Юра не обратил внимания на эти предметы, глянув на них лишь боковым зрением. Он смотрел на кресло посреди помещения, будто окружённое вниманием, как римская арена. Кресло с десятками проводков, свисающих вниз и поднимающихся к потолку, как лианы в джунглях. Ребристые спинка и сидалище, скорее всего из металла, блестели при свете ламп. Вокруг провода разного цвета и размера. Сидение словно висело на этих проводах. Оно стояло горизонтально, и напоминало кресло стоматолога.

— Что это? — спросил Юра. Просто и конкретно, как ребёнок уточняет предмет, желающий приобрести в магазине. В голову пришли несколько вариантов. Один из них, самый яркий и звучный был «Матрица».

— Садись. — Сказал Василий, временно игнорируя вопросы. Он улыбнулся, отчего лицо его ещё больше стало мультяшным.

Давайте жить дружно.

Юра вспомнил его слова, и понял, что его намерения всегда добры, а совесть чиста, как минеральный родник. Но садиться в кресло желания не было. Риск дело благородное, однако, от глупости не далёк.

— Сюда? — Юра кивнул на кресло, пытаюсь создать образ свободного от мышления человека, чьи понятия не дотягиваются до ясельного уровня.

Подобным поведением он хотел затуманить бдительность Василия.

— Конечно сюда. — Невозмутимо сказал Василий, не удивляясь столь слабому проявлению стремления Юры открыть для себя новые горизонты, по причине сдавленного но твёрдого страха. Василий прошёл к креслу, подготавливая его для парня.

— Ты же хочешь узнать что это?

— Хочу, но лучше будет, если вы расскажите о нём.

— Не бойся. — Сказал Василий настолько искренне и открыто, что Юра принял это выражение за собственные материализовавшиеся мысли. Василий взял в руки подобие друшляка, с проводками, выходящими наружу, как из стартера в автомобиле.

Юра скривил лицо в нерешительности, и подошёл ближе. Подобие друшляка он принял за шлем, напичканный проводами как плов рисом. Василий держал полукруглый предмет в руках, очевидно собираясь надеть на голову парню, как только тот сядет в кресло.

Не бойся, все старшие курсы прошли через это. — Пытался успокоить себя Юра.

Зачем я согласился сюда приходить? Что же мне делать?

Мысли Юры боролись между собой, как псы

за свежее мясо, пока он стоял в нерешительности. С каждой секундой положение его становилось всё более проигрышным при любом финале.

— Садись. Больно не будет. — Настойчиво повторил Василий, уже более требовательным тоном. Поразительная настойчивость была продиктована скорее достаточным отсутствием времени, чем попыткой обмануть парня. Его лицо сияло радостью, и немного усталостью. Он терпеливо ждал, стоя возле кресла и держал в руках «шлем».

Юра поборол страх, и, не будучи уверенным в благополучном исходе решения, сел в кресло. Василий надел ему на голову «каска». Она покрыла его лоб, уши и затылок. Открытыми остались только глаза. От металла затылок начал мёрзнуть. Появился размытый запах пластмассы, и медного сплава. Василий надел Юре на руки специальные перчатки, с чёрными грузиками на кончиках пальцев, а на глаза продолговатые очки, которые напоминали нижнюю часть перископа.

— Нормально? Ничего не жмёт? — спросил Василий без тени заботы. Казалось, его волновали больше шлем и перчатки, чем самочувствие парня.

— Нормально. — Ответил Юра, и замер в ожидании. Что сейчас произойдёт? У него снова появилось ощущение, что он зря пришёл. Внутреннее напряжение росло, подобно давлению в

опускаемой на дно океана капсуле.

— Приготовься. — Спокойно сказал Василий.

Юра сидел в тишине и темноте. Тянул холод, и слабое щекотливое ощущение на кистях рук. Шаги, затем Юра услышал звук, будто запуск дизельного двигателя. После гудения, темнота пропала. Он оказался в комнате. Немного сбитый с толку, он оглядывался по сторонам, и рассматривал белые кубики плитки на стенах. Он был в мужском туалете, но не совсем обычном. Всё как в тумане. Боковым зрением он видел помехи, какие обычно идут, песчаными пятнами по краю телевизора с кинескопом. Юра вытянул вперёд руку, чтоб посмотреть, как она выглядит. Рука была обычной на вид, только непривычно светлой. Он видел фаланги пальцев, но слишком тусклые. Не было видно волос, и ногтей.

— Эй ты. Брось оружие. — Услышал Юра скрипучий голос. Далёкий голос, будто говорили по мобильному, находясь в грозовом фронте. Голос шёл из туалетной кабинки, впереди по курсу.

Юра поднял взгляд и увидел мужчину. Он держал девушку перед собой, в его руке был пистолет, направленный девушке в висок. Граница между мужчиной и девушкой слабо выделялась помехами. Юра снова посмотрел на свои руки. В левой руке неизвестно откуда появилось оружие. Рефлекторно он направил пистолет на незнакомца.

— Руки вверх. — Сказал Юра. Он сомневался, что незнакомец отпустит девушку, но сказать это стоило, придав устрашающим словам твёрдости с помощью оружия.

Незнакомец не поднял руки, а перевёл дуло своего оружия с виска девушки на Юру, и выстрелил. Яркая вспышка, и Юру передёрнуло в кресле. Он почувствовал, как через его правое плечо пропустили сильный ток, или вогнали спицу.

— Ай. — Вскрикнул парень, и в тот же момент изображение пропало, исчезнув в вихре гаснущего света. Всё вокруг сжалось в точку, и скрылось в дали, под весом чернеющей необъятной массы. Гудение прекратилось, но ещё несколько секунд оставалось в голове. Боль в руке уменьшалась постепенно, примерно так, как выходит газ, выветривающийся из открытой бутылки минералки.

— Всё нормально? — услышал Юра голос Василия, выплывший сквозь его шаги. Через секунду снизу наступил яркий рассвет, внося боль и смятение в ужаснувшиеся глаза парня. Юра моргнул несколько раз, заглаживая острое чувство зуда и слабой боли.

— Да. Вроде. — Сказал Юра и посмотрел на правое плечо, боясь увидеть там рану. Рука ныла, тянущей болью, будто его мышцу вытягивали как нитку из одежды. Но плечо было в порядке.

Неприятное ощущение судороги вошло в парня, придав его мыслям угнетённых позывов. Юра не был уверен, что всё в порядке, сомнения переполняли его даже в тот момент, когда он смотрел на руку. Он не видел, что происходит под одеждой, и боялся, что там рана.

— Ты теперь понял, что мы тут делаем? — спросил Василий, одновременно снимая с парня перчатки и шлем. Он делал это с родительским чувством, и Юре стало приятно.

— Это виртуальная реальность? — спросил парень, тряхнув головой. Юра словно вышел после наркоза. Бесформенные тёмные пятна, размашисто мелькали, проявляясь на стенах и потолке.

— Имитация захвата заложника, да?

— Да. И ты провалил её. В реальной жизни ты был бы уже мёртв. Не убит выстрелом, но смертельно ранен. И преступник не оставил бы тебя дожидаться помощи.

— Я чувствовал боль. Так должно быть?

— Да. Твой организм будет всё ощущать, чтоб ты не вёл себя небрежно. Это кресло для имитации оперативных действий схожих с реальными условиями. Программа разработана, специально для комфортного применения, лёгкости и доступности. Я загрузил лёгкую версию, как она тебе?

— Изображение нечёткое. Видны были помехи, и цвета немного нереальные. Человек, с

размытым лицом. Я не разобрал его цвета глаз, и не понял его очертаний.

— Я поставил мощностъ на пятьдесят процентов, чтоб быстрее загрузилось. Один студент будет сдавать экзамен, а вся группа на мониторе смотреть и комментировать его действия. Вот тебе и новейшие технологии, дающие возможность получить реальные навыки, без опасности для человека. Всё довольно просто и эффективно.

— Это как матрица?

— Нет. Это не матрица. Тебя не убьют в этом кресле. В случае твоей виртуальной смерти, программа просто выключается, без вреда для организма.

— Выходит, меня только что убили?

— Нет. Это я её выключил. В следующий раз, у тебя будет преимущество по отношению к остальным студентам. Ты знаешь чего ждать.

— А почему вы её мне показали? — спросил заинтригованно Юра. Василий пожал плечами.

— У вас на следующей неделе первый практический урок. Вы всё это увидите в любом случае. Но только пока что молчи, хорошо? Ты теперь как пробник помады, только в крупных размерах. Я опробовал вашу группу, на твоём примере.

— Постараюсь. Но это конечно классно. — Не скрывая волнения, сказал Юра. Он ощутил себя

Колумбом, который поведёт за собой экипаж, состоящий из одnogруппников. Всё вокруг показалось ему чудесным, и радостным.

— Пошли, Юра. Я закрою кабинет. — Сказал Василий, вернув его из мира грёз в реальность. Они вышли в коридор, Василий выключил свет в лаборатории, и закрыл дверь. Снова зазвенела связка ключей. Коридор был практически пуст. Лишь несколько запоздалых студентов, шли, не глядя под ноги вдоль коридора, тихо и бессвязно о чём-то шепчась.

— Это затратное приобретение, но оно окупает себя, — со знанием дела сказал Василий, и положил ключи в карман. — Тем более качество изображения ты сам видел. Не идеальное. Для тренировки пойдёт, а если продолжить углубляться в эту сферу, качество можно в дальнейшем улучшить.

— А ещё есть подобные аппараты? — с интересом спросил Юра. Его дергало ощущение высоты птичьего полёта, в намерениях и планах на будущее. Но главное, он мысленно воспевал волшебные руки человека, создавшего эту машину.

— Есть и другие, конечно. Но более дорогие, с лучшим качеством приёма.

Василий стоял, вслушиваясь с тихие угасающие шаги. В коридоре стало пусто.

— До понедельника, Юра. — Василий пожал

руку парню, и кивнул. Доброжелательный жест, дающий тёплое и бодрящее чувство взаимного уважения. Затем он ушёл.

— Да свидания. — Сказал Юра, и на прощание посмотрел, как Василий Валентинович ушёл по направлению к своему кабинету.

Вот это да. Скорее бы наступил понедельник

Юра направился к выходу из здания.

Два человека наблюдали из-за угла корпуса, как Юра выходит из Университета.

— Это он? — спросил низкого роста мужчина.

— Да. Юра Луц. — Ответил человек высокого роста в плаще и тёмных очках. Стереотипный камуфляж, который скрывал лицо, но привлекал к себе внимание бросающимся в глаза стремлением скрыться.

— Кто ещё?

— Вот список. Тут имена и фамилии.

Человек в очках передал дипломат своему собеседнику. В этом таинственном обряде были шпионские черты, придающие мужчинам образы актёров.

— Когда? — спросил невысокий мужчина.

— Как обычно.

— Какая легенда? — снова спросил низкий.

— Что ты прицепился? Все в дипломате.

Легенда, дата, нормы и порции, всё описано подробно. — Быстро сказал мужчина в очках. Его тон настойчиво просил оставить остальные вопросы на стадии зародыша.

— Не суетись, — сказал невысокий мужчина, — я должен всё знать.

— Должен всё знать? Тогда иди в университет, там всему учат. — Грубо ответил мужчина в очках и ушёл, не попрощавшись. Он явно был раздражён, и не хотел общаться, испуская злость и ненависть во все стороны, как брызги фонтана.

Невысокий мужчина смотрел, как ушёл Юра, затем повернулся в сторону ушедшего человека в плаще.

— Дал же Бог связного. — Пробубнил он. Переложил дипломат в другую руку, и зашагал через дорогу.

Женя

Женя родился в рубашке. Так говорили про него в приюте, в котором он вырос. Так считал акушер, принимавший роды. Ребёнок весом 1,8 кг показался слишком хилым, крохотным, неспособным выжить в этом требовательном мире. Прибавить сюда внутриутробную гипоксию и получается опасная смесь, способная поставить под

сомнение жизнь ребёнка.

— Повезло, что он жив, — неопределённо сказал врач своей помощнице, когда вошёл в кабинет и взял сигарету дрожащими руками.

— Он и пяти баллов не набрал по шкале Апгар. — Нервно сказал доктор. Он приспустил повязку на подбородок, выделяя сухой рот с полными губами, снял перчатки и курил, медленно втягивая дым. Он напряжённо сидел в кресле, не касаясь его спинки. В другой руке он держал мобильный, и набирал пальцами сообщение. Это не был первый случай акушера связанный с тяжёлыми родами, но к такому трудно привыкнуть. В кабинете с ним сидела женщина, молча поглядывающая на него с того момента, как он выплюнул несколько слов в адрес новорождённого ребёнка. Женщина была рядом с ним во время родов. Она смотрела, с какой чёрствостью доктор выудил жестокую но объективную фразу из словарного озера своего сознания, и глаза наполнились слезами. Врач, конечно не виноват, так получилось, но дети с гипоксией, если выживут в первые недели после родов, почти всегда способны вырасти полноценными людьми, без каких-либо отклонений. Почему же врачи иногда смотрят на мир так отборно? Почему они не дают надежду, прогнозируя наиболее успешный вариант развития событий? Но эта жестокость всего-навсего

трезвая оценка, помогающая реально смотреть на вещи. Жизнь не сказка.

В кабинет постучали и дверь открылась. В образованную щель, через которую попадал свет громадных коридорных ламп, заглядывала женщина. Лицо её мутно выделялось силуэтом овала с кучерявыми волосами, тёмное как ночная гора на фоне ярких ламп. Лицо оглядело кабинет, затем женщина вошла внутрь. Она была одета в бардовый халат, с несколькими прорехами в нижней части, через которые виднелись её худые ноги. Лицо помятое, будто она не спала несколько ночей. Синяки под глазами, и зеленоватый оттенок свисающих щёк, делали её худое тело нестандартным.

— Доктор, ну как мой малыш? — спросила женщина, чья голова перестала вертеться по сторонам, и остановилась на сидящем в кресле акушере. Врач посмотрел на женщину, глубоко затянулся сигаретой, и выпустил серую и конусообразную полоску дыма в сторону.

— Внутриутробная гипоксия, поэтому не могу сказать ничего определённого. Его шансы примерно 50 на 50. Кроме того, он слишком мал весом, мы поместили его в специальный инкубатор.

Врач, старался не смотреть в лицо женщине. Он делал вид, что опечален.

Но я не виноват в этом и оставьте меня в

покое, со своими претензиями. — Говорило его безразличное поведение. Он устал давать объяснения каждому пациенту, и отгораживаться от обвинений словами льстивой надежды, которая кроме отчаянной злости не приносит ничего хорошего.

— Насколько это опасно? С ним будет всё в порядке? — переспросила молодая мать, и правый глаз приоткрылся немного больше, чем левый. Она молчала, обдумывая услышанное, словно эти слова, медленно вливались через уши, и обжигали сознание своим колким смыслом. — Сигареткой угостите?

Доктор достал из нагрудного кармана пачку сигарет и неловко протянул девушке одну, затем дал ей прикурить. Молодая мать глубоко затянулась, топя чувство беспокойства в эйфорийном море табачного удовольствия. Она устало посмотрела на врача, перевела взгляд на женщину, сидящую напротив, будто оценивая её на наличие опасности. Или же, что более верно, на наличие колкого языка, способного перенести несколько слов по всей больнице и размножить, со скоростью полевой мыши. Молодая мать выглядела взволнованной, и не слишком подавляла это чувство, не считая его важным. Она не была убитой горем, скорее просто переживала. Худая, как египетская мумия, она держала подол халата одной

рукой, в пальцах другой у неё была сигарета. От неё разило перегаром, даже сейчас, спустя шесть часов после родов. На вид молодой матери можно дать не больше двадцати. Поведением своим она показывала удивление, будто ей только что сообщили, что она выиграла конкурс талантов, не участвуя в нём.

— У него мало шансов выжить? — спросила молодая мать, и снова затянулась сигаретой, давая возможность подумать. Она что-то решала. Возможно, она обсуждала сама с собой, как лучше решить проблему ребёнка с малого возраста, пока она не переросла из ростка в дерево. Ведь в детстве недуги заглаживаются легче. Возможно, решала как отблагодарить врача, а может хотела узнать совет.

— Я думаю, всё будет в порядке. Его шансы довольно неплохи. Необходимо время, чтоб он немного побыл в инкубаторе. Его иммунная система слаба, и за ним необходим уход. После двух недель, можно будет не беспокоиться. Поймите, такие симптомы довольно опасны...

— Тогда оставьте его себе. — Неожиданно сказала молодая мать.

Эти слова, будто некий механизм, отключили последние лучи света, исходившие от её тусклой, отталкивающей особы, и оставили лишь черноту в её душе и безразличие в глазах. Акушер замолчал, глядя на неё с приоткрытым ртом, то же сделала и

женщина, сидящая напротив него. По резкости заявления, стало понятно, что мать давно приняла это решение, и просто ждала повода, чтоб сказать эти грубые, рвущие душу слова.

Она оформила отказ от ребёнка, который мог не выжить по прогнозам врачей, который мог не выжить, если бы остался с матерью, а она пила, и никогда в своей жизни не работала. Ребёнок мог не выжить, но он выжил, и развивался нормально. Этот самый акушер, сказавший молодой матери душераздирающие слова, однажды проходя мимо общей детской палаты, остановился на секунду и поглядел на малыша, которого назвали Женей. Он пробежал глазами по залу, где спали дети, и снова остановился на Жене.

— Да, — сказал он, неизвестно кому, будто считая, что с ним непременно кто-то ходит и слушает внимательно все его мысли.

— Этот парень родился в рубашке.

Десять лет спустя Женя впервые серьёзно подрался. Примерно в тот же период он начал увлекаться стихами. Была ли связь между этими событиями нельзя сказать определённо, но Женя считал, что была. И дракой доказывал, что человек читающий, и любящий стихи может дать сдачи. Своими кулаками он разбивал стереотип выражения «зубрила». Ему нравились стихи разного рода. Он считал, что простые стихи, как у

Пушкина, читать легко, а значит и писать их легко. Дилетантское мнение, которое частично подкреплялось объективной оценкой. Внутри у Жени горела гнетущая и откровенно грязная мысль, сжигающая самооценку многих начинающих поэтов. То, что легко и быстро можно написать, не будет интересно читать. Иногда бывает и такое, но не из-за лёгкости написанного. Написать стих можно, и не думая над ним недели, главное подходящая обстановка, способствующая росту творческого корня. Воздух, настроение, бодрость и веселье, сосредоточенное внимание. Для каждого рецепт свой. У Жени не было особого рецепта, но стихи он писал быстро. Иногда прямо на работе. Лёгкие стихи поддаются быстрому восприятию, словно сигналы светофора. Женя больше любил грубость и злость (возможно из-за трудного детства). В стихах это можно было выразить, вставляя трудные слова, и редкую рифму. Женя любил читать тяжёлые стихи, это было, будто трётся животом о подводные камни, когда плывёшь. В них становиться заметно усилие, которое затратил автор, частичка его жизни, что он вложил в буквенную ячейку.

Женя так и не узнал, кем и кто были его родители, но всегда мечтал с ними встретиться. Один из своих стихов даже посвятил матери. Все наброски он держал в закрытой для окружающих

глаз тетради, и носил её с собой, куда бы ни переезжал. Лишь иногда он давал почитать кое-что из записей своему знакомому, но только тому, кто уважал его хобби.

Прошло восемнадцать лет, с того момента, как Женя первый раз открыл глаза. Эти годы тяжело пережил одинокий парень без семьи и друзей. Но вопреки многим мнениям (и мнению родной матери) он нашёл работу, и жильё. На жизнь ему хватало, а в перспективе темнота, о которой он старался не думать. Эта размытая линия внушала апатию в ранимую душу Жени, и он подбрасывал целеустремлённые мысли к небесным высям с помощью творческих попыток писать стихи.

Женя сидел в салоне по продаже телефонов. Это не та работа, которая ему по душе, но возможно ли вообще найти такую? Красная жилетка, на груди бейджик с его именем, но внешность слишком вольная для подобного работника. Сегодня клиентов на телефоны было мало, и он ничего не продал. Женя оглядел пустое маленькое помещение с прилавками, и сел на стул. Вдоль стен стояли ультрамодные застеклённые шкафы, с мобильными телефонами различных моделей. Женя посмотрел на себя в зеркало, висевшее на стене, и с упавшим настроением вдумался в свою жизнь. В ухе висит серьга, в виде крестика, в носу пирсинг. Тёмные волосы зачёсаны

назад. В глазах тревога, на щеках усталость. Женя достал свою помятую тетрадь, на которой делал пометки в свободное время, и перечитал последнюю строку.

Ушла она, сказав лишь «Щас приду»

На час её я общества лишился,

Туманом взгляд заволокло,

Со здоровым смыслом я простился.

Ищу её, но след простыл,

От горя не нашёл я места,

Это так подло, нож мне в тыл,

Но вот идёт моя невеста.

— Ну что с душой моей играешь?

— Хотел отяготить себя уж рецидивом.

— Зла не держи, — она сказала и мне махнула,

— Я лишь ходила за контрацептивом.

Рифма немного прощупывалась, но слова натянуты, будто речи в спектакле. Он прочитал ещё раз свои наброски, и сморщился. Немного пошло. Лёгкие стихи, за которые его будут называть строчилой. Но пошлый или грубый стих, это то, к чему Женя стремился. Обычно его стихи звучат смело, громко, словно звуки небесного инструмента, идущие через створки души. А нынче вышла просто пародия.

Женя закрыл свою тетрадь, и начал

обдумывать, что можно было изменить в сюжете своего стихотворения. Парень с девушкой не говорят подобными словами. А может, всё же иногда говорят? Женя не знал толком, практики не хватало. Но фантазия была крепка, как толстый гвоздь.

Дверь в магазин открылась, вошёл посетитель, оглашая помещение звоном колокольчика, висящего над входом. Женя резво отложил тетрадь в сторону, и встал со стула. В помещение вошла девушка. Сейчас она стояла спиной к нему, и разглядывала телефоны фирмы «Nokia». Женя вышел из-за прилавка и ждал, пока девушка повернётся. Она глянула на парня, резко сделав поворот, и Женя неожиданно остолбенел, заметив в лице что-то слишком хорошо знакомое.

— Женя? Вот так встреча! — удивлённо сказала девушка. Она пристально смотрела на парня, не скрывая улыбки, и душевной радости, стремившейся бодро кричать о воскресшем давнем знакомстве.

— Не ожидала тебя увидеть тут.

Женя пригляделся. Он узнал свою соседку по общежитию, с которой они вместе ходили на учёбу. Стройная девушка с круглым лицом, и тёмными волосами, закрывающими уши. Её зовут Юля. За несколько лет, прошедших с последней встречи, Юля похорошела, и заметно повзрослела. Теперь

это была не девочка с веснушками, а молодая женщина, с красивой фигурой, и обворожительным лицом. Она подошла к нему, держа в руках сумочку, внося весенний аромат в помещение, и наполняя его запахом своих духов. Девушка была в брюках. На тёмной майке виднелись выпуклости груди. Пальцы рук украшало несколько колец, уколов своим блеском, зародившим разочарование, касающееся её свободы, парня в сердце.

— Привет, Юля, — сказал Женя слегка смущённо. Он был рад, что без проблем узнал её, и не забыл имени (и ещё больше рад, что она не забыла его имя). Но выбранная им профессия немного смущала парня. Продавец остаётся продавцом, каков бы ни был товар.

— Что ты тут делаешь? Решила телефон приобрести?

Женя подошёл ближе к девушке. На него нахлынули приятные воспоминания, будто он снова сидел с Юлей за одной партой, и наблюдал за её дрожащей тонкой ручкой, записывающей в тетрадку диктуемые слова, а она посматривала на него, и нежно улыбалась. Иногда ему казалось, что Юля знала, о чём он думает, словно могла заглянуть в его череп и разобрать мысли, снующие там, как рыба на дне кувшина с водой.

— Нет, Женька. Сегодня не твой день. Я парня своего жду, — ответила Юля, растоптав

поднятые воспоминаниями Жени надежды на прикосновение к её губам. Эти мысли посещали его давно, но с окончанием учёбы, осели на дно, как кусочки помидора, в банке томатного сока.

— Вот решила, чтоб на улице не стоять, войти в помещение, — улыбаясь, сказала Юля, обосновывая свои действия болезненными для ушей Жени словами. Она будто хвасталась тем, что есть кого ждать. Но делала это без радости в глазах.

— Он скоро должен подойти.

— Жениться собрались уже? — весело спросил Женя, но не искренне. Надеялся он на обратное, всё ещё посматривая на её яркие, и молодые губы, тонкие брови, полукругом обнимающие ясные глаза. Ах, как он жалел, что во время учёбы вёл себя скромно и тактично. Этим миром правит наглость и грубость, а Женя, отталкивая от себя эти черты характера, упустил дорогую ему девушку. Теперь глядя на её сочное тело, он жалел об этом вдвойне.

— Да нет, — говорила Юля, — какой там жениться, когда денег на съёмную квартиру еле хватает. Он работает, я тоже, но всё уходит в круговорот потребностей, так что, — она пожала плечами, — Увы! Но мы скоро пойдём в поход, денег заработать. Лёша нашёл что-то, связанное с работой. Кстати, он экскурсовод. И заработок непосредственно трогает эту его область знаний.

Хочешь сходить с нами? Тоже можешь заработать. Там неплохо платят.

Резкая смена темы приятно трогала волнительное ощущение близости девушки. Женя улыбнулся подобному предложению, не скрывая своих восторженных всплесков гормональной радости.

— Не знаю, — неуверенно сказал Женя. До этого момента ему никто не предлагал заработать, тем более симпатичная девушка, которая ему нравилась. Он был готов идти за ней на любую работу, просто для того, чтоб побыть рядом.

— А что делать надо?

— Там надо идти. Что-то типа туристического маршрута. Кто первый дойдёт от одной точки до другой, тот получает хорошие деньги. Но за участие тоже платят, даже если не выиграл. Эта беспроигрышная лотерея. Проходит каждую пятницу.

— А где это?

— Здание почти в центре города. Давай, я тебе запишу адрес.

Юля подошла к стеклянной витрине, и достала блокнот. Она написала в нём адрес, шурша ручкой, и как прежде, держа руку немного под углом. Стояла она, слегка наклонившись, и один раз поглядела на Женю кокетливым взглядом, намекая на то, чтоб не пускал слюну, глядя на её попку. Это

его взбодрило, и придало некое ощущение близости. Юля вырвала листок, и деловито протянула его Жене, будто чек на кассе.

— Приходи, может, увидимся там. — Игриво заявила она, и улыбкой придала решительности.

— Может и приду. — Сказал Женя. Но думал он о том, сможет ли общаться там с ней, и о том, что она будет не одна. Она обязательно познакомит его со своим парнем, но эта гадкая процедура компенсирует пребывание Жени в приятной кампании.

Заиграла музыка. Юля достала из сумочки телефон, который гудел, оглашая помещение звуками мелодии Джастина Тимберлейка.

— Да? — сказала девушка, поднеся телефон к уху. — Уже иду.

Юля убрала телефон в свою модную тёмного цвета сумочку, и посмотрела на Женю. Взгляд был будто виноватым.

— Мой уже пришёл. Я пойду, — она направилась к выходу, и перед дверью оглянулась. — Там неплохо можно заработать на выходных. Подумай об этом, Женя. Там платят в долларах.

Женя кивнул. Он подошёл к стеклянной двери и провёл взглядом Юлю. Затем посмотрел адрес здания, где проводилось участие в забеге, и спрятал бумажку в карман. Сегодня четверг. Завтра можно

будет всё пойти узнать. С деньгами у него проблема. С деньгами всегда проблема, даже если ты король мира, и сидишь над головами обывателей.

Завтра схожу, узнаю что там. — Решил Женя. Но основной причиной его стремления было увидаться ещё раз с Юлей.

Рабочее время кончилось, и Женя стремительным шагом топал вдоль улицы. Гул машин и оживлённый транспорт подняли настроение, смазав его приятным чувством воли, после монотонного сидения на рабочем месте. Он остановился на остановке, и ждал свою маршрутку. В руках он держал десятигривневую купюру, приготовленную заранее. Он не любил доставать деньги в дороге, когда в переполненном транспорте высовываешь их из кармана, не видя, что за номинал и не выпало ли что-то на пол. Женя выглядывал на проезжающие жёлтые автомобили, в надежде увидеть нужный ему номер маршрутки. Он оглядывался по сторонам как заблудившийся турист. В этот момент к нему подошла цыганка. На голове у неё был цветной платок, на пальцах кольца. В ушах крупные серьги, лицо загорелое и сморщенное. В глазах блестел огонёк, будто она заметила вместо Жени кошелёк, валявшийся на полу.

— Купи амулет на удачу. — Сказала она Жене, и достала из кармана блестящую безделушку.

— Нет, спасибо. — Кратко ответил Женя, безоговорочно разбив все возможные продолжения и заготовленные реплики женщины. Он выставил ладонь, будто останавливая её.

— Это чтоб удача тебя не покидала сегодня, и постоянно, пока он при тебе будет. Недорого, я не обману. — Она говорила немного с акцентом.

— Мне не нужен амулет, спасибо. — Женя быстро отошёл в сторону, чтоб избежать неприятного общества. Слова в данном случае плохо помогали. Он стоял в стороне, и наблюдал за цыганкой, которая поглядывала на него некоторое время. Когда к нему подъехала нужная маршрутка, он с радостью проскочил внутрь и поехал домой.

Странно, за сегодня уже второй человек предлагает мне купить амулет. — Удивлённо думал он.

Женя жил на съёмной квартире вместе со своим приятелем, Виктором Цыганком. Охарактеризовать Виктора можно было в двух словах: *Самодовольный гад*. Женя не любил с ним общаться, но выбора не оставалось, ведь жили они вместе. Но как можно спокойно сосуществовать, когда эта сволочь приводит в дом своих приятелей, готовых хоть сейчас бить прохожим лица только из

развлечения, и чтоб посмотреть на реакцию жертвы? К тому же мнение Вити всегда было одним и тем же: *я хороший, все остальные — говно*.

Женя разделся, снял обувь.

— Ну, здорова. — Сказал Витя, стоя в дверях между прихожей и комнатой. В руках он держал чашку с нарисованным слоником. Женину чашку, подаренную ему на день рождения. Витя хлебнул из неё чая, и посмотрел на недовольное лицо сожителя. Женя явно был сломлен, будто из него вынули всю радость и бодрость, как вынимают батарейки из пульта.

— Много телефонов продал сегодня? — спросил ехидно Витя, будто знал, что день у Жени неудачный в отношении работы.

— Нет. Ни одного. А ты что, злорадствуешь? — попытался придраться Женя. — Ты знаешь, что это грех?

— Ни Боже мой, — сказал Витя и положил левую руку на голую грудь, закрыв при этом немного волосатый сосок. — Я просто спросил. Мало ли. Может ты сегодня заработал хорошо, и угостишь приятеля пивом.

Женя подошёл вплотную к проходу в комнату и пытался протиснуться между Витей и дверной коробкой, но это было не так просто сделать. Ростом под два метра, Витя к тому же был

объёмистым парнем. Нельзя назвать его толстым (и не дай Бог Жене сказать такое), но дело к тому шло. Он был плотным. Его тело закрыло почти весь проход.

— Дай мне пройти. — Сказал Женя.

— Проходи. — Спокойно сказал Витя, и отпил ещё чаю из чашки со слоником. Он не сдвинулся с места, и стоял как морская скала, угрожающая лодке с гребцом.

— Отойди в сторону. — Почти крикнул Женя.

— А? Так ты со мной разговариваешь? — удивлённо спросил Витя, и немного склонил голову к Жене, который ниже на десяток сантиметров. — Я не понял сразу. Думал, ты просто покричать решил, и злость свою сорвать, из-за неудачного дня.

— Не твоё дело.

— Не моё дело, всё время не моё дело, — начал паясничать Витя, — а как помочь с хулиганами разобраться, так Витя помоги, Витя, спаси.

— Я тебя не просил. Что ты выдумываешь?

Витя резко рванул вперёд и животом оттолкнул Женю к входной двери. Женя отлетел, растерянно растопырив руки.

— Ой! Прости. Ты не ушибся? — вежливо спросил Витя, с довольным лицом. Капли злости, стекающие с его грязных мыслей, образовали улыбку. Женя ничего не ответил, только сделал

злое лицо и уставился в стенку. Витя постоял несколько секунд, затем допил чай, подняв чашку над головой, чтоб вытекла последняя капля, и прошёл в комнату. Женя погладил ушибленное, при ударе о входную дверь, плечо, и прошёл за своим сожителем.

— Помоешь свою чашку, я её поставил на стол. — Сказал Витя, лёжа в кровати. Он лежал на спине, с закрытыми глазами, и тяжело дышал, будто после плотного ужина.

— Почему ты не пьёшь со своей чашки? — спросил Женя.

— Случайно взял, я и не видел, что это твоя, — сказал Витя. На лице у него была улыбка, явно показывающая, что он знал, чья чашка. — Так сколько продал сегодня?

— А ты сколько продал? — передразнил его Женя.

— А я не продаю. Я раздаю напоминания о долге. Я же коллектор, или ты забыл? — он открыл глаза, и повернул голову к Жене так резко, что Женя дёрнулся, — ты случайно кредит не брал? Может, потрясти тебя и ты вспомнишь?

— Я не беру кредитов.

— А жаль, — сказал Витя. Он снова повернул голову к потолку, и закрыл глаза. Его тело успокоилось, руки плавно легли за голову. — Я думаю, ты, живя со мной, выплатил бы его за одну

неделю.

Может даже за один день . — Подумал Женя и понёс чашку на кухню. Он тщательно вымыл её, и сел за стол. Печально он глядел в окно, стараясь не забивать голову тоскливыми мыслями о мучительном заключении. Он давно собирался съехать с квартиры, но не так просто найти другую, да к тому же они с Витей платят поровну. Хоть он и сволочь последняя, но на деньги не обманывает. Женя планировал написать несколько стихов, и отправить в редакцию, чтоб их могли оценить. Наивная пресная мысль, что их опубликуют, и выплатят ему гонорар, лелеяла его, и тешила в моменты, когда Витя припирал его в углу квартиры.

Возможно, мне заплатят, и я уеду отсюда, но нужно больше работать.

Женя вздохнул и вспомнил сегодняшние строки, которые записал в своей тетради. Оптимистического ничего они не принесли. Ему захотелось заплакать. Женя был сиротой. Он вырос в приюте, и закончил кое-как училище на парикмахера. Но по специальности работать не хотел. Витя, его сожитель, с которым они вместе учились, был из деревенских парней, но тоже приехал в город на заработки. Как получилось, что Женя согласился снимать квартиру вдвоём, он и сам не понимает. Предложи Витя ему ещё раз, Женя никогда не согласится. Но из тетради жизни,

страниц не вырвать. Женя вздохнул и встал, намереваясь приготовить себе лёгкий ужин.

Алла

Алла сидела в своём кабинете и разлаживала бумаги. Она взглянула на часы. Без четверти три. Ещё два часа работы. Алла глянула в окно, на сидящего на столбе голубя, и позавидовала его вольности. Птицам подвластно небо и просторы, а она сидит в тесном кабинете, пытаясь заработать себе на жизнь. Сидя некоторое время без движения, она почувствовала тяжесть в животе, и вышла в туалет. Женский туалет помещал две кабинки, умывальник и громадное зеркало на всю стену. Если не закрываться, то сидя на унитазах, можно видеть вздувшиеся вены на лице, когда тужишься. Алла закрыла кабинку, быстро сняла трусики и уселась, тяжело вздохнув. В уборную вошла девушка, которая говорила по телефону. Алла невольно прислушалась к разговору.

— Андрей? Да, это я. Всё нормально, в эту пятницу поедem за город. Да, то, что я говорила. Платят в долларах... Не поняла?... Нет... Откуда я знаю. Чем меньше людей, тем больше шансов на победу... Конечно все хотят туда. Ну всё, целую.

Девушка положила трубку. В следующую секунду послышался шипящий звук открываемого

крана. Она открыла воду, скорее всего, умывалась. Алла не видела её, и по голосу понятия не имела кто это. Она нажала кнопку слива и открыла кабинку. Девушка тут же оглянулась.

— Ой, — сказала она, и приложила руку к груди, — не знала, что тут кто-то есть.

— Прости меня, конечно. — Виновато проямлила Алла, протестуя всем видом против подслушивания. Она смотрела на удивлённые глаза девушки, и напуганное лицо. Именно это лицо и стало причиной того, что Алла извинилась (сама не зная за что). Она привыкла ставить себя на одну ступень с окружающими, и потакать всем правилам приличия. Воспитание требовало от неё порядочности и умения придержать лошадей, в нужный момент.

— Ты никому не расскажешь, то, что слышала? — отчаянно попросила девушка и сложила руки на груди. Её взгляд был по-детски наивным. Алла удивилась такой странной просьбе, и не знала что ответить. Сам факт того, что Алла не слышала ничего определённого, давал понять, что девушка что-то утаивает, и делает это крайне неумело.

— Я не поняла, о чём ты говорила, если честно. — Сказала Алла и прошла к крану, чтоб помыть руки. Алла узнала девушку. Эта молодая особа работает на первом этаже, на ксероксе. Она

делает ксерокс всем желающим по цене семьдесят пять копеек за лист А4. На вид ей лет двадцать. Лицо накрашено, как у цыганки, бардового цвета волосы. Глаза, будто в синяках, и макияж вот-вот отвалиться, упав комком на пол. В одежде наоборот, минимализм, как в картинах Роберта Римана. Короткие серые джинсовые шорты, открытая майка, и тапочки на босую ногу. пляжный вид не совсем подходящая одежда для сотрудницы банка, но видимо ей позволяют подобные причуды.

Алла закрыла кран и вытерла руки бумажными салфетками, тоскливо глядя на себя в зеркало.

— Это просто работа, — оправдывалась девушка. — Ничего противозаконного.

— Послушай, — сказала категорично Алла. Голос её звучал твёрдо, как барабанный такт. — Если мой отец директор банка, это не значит, что я всё ему докладываю. И поверь мне девочка, его не интересует, чем занимаются сотрудники в свободное от работы время. Главное чтоб не воровали и наркотиков не принимали.

— Я думала, все директора отвечают за своих сотрудников.

Алла помолчала и смотрела на сконфузившуюся девушку с некоторой жалостью. Ей стало любопытно, чего девушка так скрывает телефонный разговор. Подобная скрытая реакция

впервые взбудоражила воображение Аллы, и пустила волны по тихому озеру её покоящихся мыслей.

— Я слышала часть разговора, — правдиво сказала Алла. Она сделала тактичную и показательную паузу, которая охарактеризовала её как друга, и сгладила целенаправленность её намерений. — Что это за работа на выходных?

— Ну. Это необычная работа. — Быстро, но немного нехотя заговорила девушка, сделав лицо, будто по ошибке сболтнула лишнего. Но глаза выдавали радость, и желание поделиться всеми тайнами, которыми она обладала.

— Ладно. Тебе я скажу. Но ты никому, ок? — Девушка ощущала себя немного виноватой, что скрывала от Аллы своё хобби, и считала, что если перескажет весь разговор полностью, то чувство вины притупиться. Оно всегда притупляется в таких случаях.

— Окей. Никому. — Быстро сказала Алла, хватая жар-птицу, пока та не улетела. Ею овладело чувство простого любопытства.

— Я не буду указывать источник, но в выходные можно заработать денег, и делать почти ничего не надо. Рюкзак за спину, — девушка сложила руки, будто держит за спиной рюкзак, — и пошёл. Туристический маршрут.

— А я могу пойти в поход? —

полюбопытствовала Алла. Ей въелись в память слова «платят в долларах». Они маячили перед ней как неоновая вывеска, рекламирующая круглосуточный отель. Но упомянуть о них было почему-то стыдно. Алла правильно поняла, что если она упомянет иностранную валюту, о ней могут подумать дурно.

— Я даже не знаю. Надо спрашивать, но думаю да. Можешь пойти. — Глаза девушки забегали по внешности Аллы, будто оценивая её физические данные.

Рост 160 см, средней длины тёмные волосы. Немного полнее нормы, в брюках и белой рубашке, Алла выглядела слегка нелепо.

— А кто может сказать по поводу работы? — спросила Алла.

— Фирма, которая проводит это соревнование, — просто сказала девушка. — Они ставят эксперимент по определению скачков давления или потоотделения у туристов, я не помню точно. Всю дорогу нужно будет идти с прикреплёнными датчиками на лбу и руках, зато не зря будешь собирать одеждой капли пота. Платят хорошо.

...в долларах ... — Вспомнила Алла.

— Давай ты сама сходишь, и всё узнаешь, — сомнительно сказала девушка, неуверенная в правильности своего решения. — Не говори про

меня ничего. Я не думаю, что там нужно много людей, и они могут не обрадоваться твоему приходу. А если ты скажешь, что от меня, то я буду выслушивать лекции, а их я не люблю ещё с института.

— Хорошо платят, это сколько?

— Сто долларов. — Сказала девушка полушепотом, глазами сдерживая входную дверь.

— Напиши мне адрес, — предложила Алла, — я сама узнаю, могу ли поучаствовать. Тебе нечего волноваться, я про тебя ничего не буду говорить.

— Хорошо. Когда будешь уходить, спустись ко мне. Я на ксероксе работаю, на первом этаже. Я дам тебе адрес. — Девушка улыбнулась и вышла из уборной. Алле показалось, что девушка вздохнула с облегчением, когда закрывала за собой дверь.

Алла сидела в своём кабинете, и мечтательно глядела в окно, когда её вызвал отец. Вызов этот был не по работе. Когда девушка вошла, она в этом мгновенно убедилась.

— Проходи, Алла. — Мягко сказал мужчина в тёмно-синем костюме, он сидел в кресле. Подобный сглаживающий тон предвещал бурю эмоций, которые не преминули себя ждать. Его голова покрыта тонким слоем седины, лицо гладко выбрито, но в некоторых местах покрыто складками морщин, особенно заметных при улыбке.

Алла прошла и села напротив его стола.

— Алла, я хочу, чтоб ты повзрослела.

Эффект от его слов был схож с выстрелом из ружья.

— Ты о чём? — испуганно спросила девушка, ожидая услышать в свою сторону просчёт по финансовой части. С тех пор как Алла работала у отца, несколько раз такое случалось. В такие моменты она ощущала себя, будто на ней лежит уголовная ответственность. Чувство беспомощности и ничтожества сковывало её тело и лишало румянца на щеках, оставляя лишь отчаяние в глазах. Но в этот раз река ожидания круто свернула.

— Ты всё ещё видишься с этим Вовой? — спросил её отец, поставив локти на стол, презрительным взглядом стараясь пристыдить свою дочь и выдать из неё слова и жесты подчинения.

— Да. — Неуверенно и одновременно облегчённо вздохнула девушка. Вопросы личного характера решать проще, чем ошибки в документации. Но мысленно она поняла, что всё не так просто, как хотелось бы, и последние слова ещё не сказаны.

— Он тебе не пара, Алла. В его возрасте, с его характером, бокс это почти хулиганство. — Быстро сказал отец, не уводя взгляда от обмякшей женской фигуры.

— Не поняла. О чём ты?

— Он ведь себя не контролирует. Я видел его с подбитым глазом, когда вы гуляли вместе. Что будет в следующий раз? Перелом руки? Как он сможет тебя защитить?

— Ему поставили синяк, а он отправил грубияна в нокаут. — Почти выкрикнула Алла. Она привыкла, что отец обращается с ней, как со своим провинившимся подчинённым, и всегда учит жизни. Таков удел детей, слушать наставления.

— Какой он милый у тебя. — Язвенно заметил отец.

— Прекрати папа! Я не хочу говорить на эту тему тут и сейчас.

— Нет, тут и сейчас! Я не хочу тебя с ним видеть! Тебе больше подойдёт кассир Игорь с третьего этажа.

— Всё. Я пошла. — Алла встала и направилась к двери. Она скрывала лицо, затронутое волною обиды, и стремилась выйти, не глядя на отца.

— Алла! — крикнул отец. Он встал из-за стола, намереваясь её остановить. Девушка резко обернулась, засветив блестящие, покрытые влажной плёнкой глаза.

— Свою жизнь я могу сама как-нибудь устроить. Ты маму выбирал, или тебе её предложили, как товар? — набросилась Алла на

отца, чётко подловив его удачным сравнением.

— Ты же знаешь, как мы познакомились с твоей матерью... — Он не закончил фразу, Алла перебила его.

— А я познакомилась с Вовой. Он мой парень. — Крикнула девушка, и вышла из кабинета. Отец встал со стула, и что-то кричал, но Алла уже не слышала его. Она почти выбежала, с красным, как мулета тореадора, лицом. Она бежала, и казалось, что будь перед ней Великая Китайская стена, она пробьёт её насквозь, и оставит отверстие с обожжёнными внутренними краями. Некоторые из наблюдавших за ней сотрудников перешептывались. Они лишь на секунду устремили свои злорадные взгляды на бежавшую вдоль коридора дочь директора банка.

Без четверти пять вечера Алла спустилась вниз, и пред тем, как вышла из здания, прошла в конец коридора первого этажа, где в небольшом помещении сидела Таня, делающая ксерокс всем желающим.

— Вот, держи. — Сказала Таня, и протянула бумажку с адресом. Алла взяла бумажку и положила её в сумку. Она улыбнулась Тане приветливой улыбкой, кивнула, затем развернулась и вышла из здания банка. Всё произошло легко и быстро как передача послания в шпионских

фильмах.

Молодая девушка, которую все, кроме её парня, зовут Алла, и которую её любимый называет «Эл», вошла в помещение, где старые стены и пол пропахли мужским потом. Вошедшая девушка немного полнее нормы, одета в белую рубашку и строгую, чёрную юбку. Внешний вид напоминал школьную форму, хотя девушка давно уже вылезла из учебной оболочки и работала в банке, в отделе кредитования. Через плечо у неё свисала сумочка. На пальце зелёного цвета колечко, но не обручальное. Она оглядела помещение в поисках своего парня. Посреди помещения располагался небольшой ринг. Двое ребят стояли на нём в перчатках и шлемах, в боевых позах, настроенные на выяснение отношений. Между ними был мужчина в белой майке, со свистком на шее. Края его майки были серого цвета от пота. Он держал одного из парней и выставлял его руки в правильном положении, немного согнутыми, затем поднял их до уровня его глаз. Он что-то оживлённо говорил, и часто лицо его изливало гнев на бедного парня. Парень в красном шлеме больше боялся этого мужчину со свистком, болтающимся на груди, чем своего оппонента. Мужчина отошёл на шаг назад, и махнул рукой между ребятами, объявляя начало поединка. Ребята оживились и

запрыгали по рингу, как цирковые акробаты. Алла оглянула остальное помещение, Вовы не было. Несколько человек бегали по кругу, вдоль стены, потея, от ежедневных нагрузок на организм. Некоторые упражнялись на матах, тренируя друг на друге свои знания приёмов рукопашного боя.

— Алла, он на улице. — Крикнул девушке парень, только что уложивший на лопатки своего оппонента. Это был Кирилл. Парень в синем шлеме и шортах, с белыми полосками по бокам. Он стоял на мате, под ним лежал худощавый парнишка, с виду намного слабее. Как оказалось не только с виду.

— Спасибо. — Крикнула Алла.

Кирилл занимался вместе с Вовой уже давно. Можно сказать, они начинали вместе этот тернистый путь, и продолжают до сих пор. Они решили проявить себя, перейдя в клуб, и продолжали уже третий год ходить три раза в неделю. Вова достиг немалых результатов (по большей части неофициальных). Два раза он брал первое место в районных соревнованиях, и всегда после поединков устраивал гулянку. Это были не домашние посиделки с несколькими приятелями, а массовое поедание и выпивание группы парней в ближайшем баре. Часто не обходилось без драк. Вова вёл образ жизни, который можно назвать «царь». Многие боялись его, но проблемой было

ещё и то, что он никого не боялся. Для его врагов это было самым страшным.

Алла прошла мимо раздевалки, и вышла на улицу через задний выход, где сразу заметила своего Вову. Под два метра ростом он стоял и смотрел сверху вниз на хилого парнишку. Вова стоял в шортах, несмотря на осеннюю прохладу, и когда выдыхал, густой парок резво выходил из его рта. Двое парней стояли напротив Вовы, и слушали его яркие речи. Один из них стоял в шортах, другой был одет в джинсы и свитер. Вова размахивал руками, когда говорил, и толкал время от времени парня в шортах, на что вяло реагировал его приятель. Всё походило на представление, в котором тренер наставляет двух ребят на взаимопонимание в отношениях с руководящими лицами.

— Вова! — крикнула девушка, стоя в дверях. Крик заглушил речи её парня, и к радости хилого парнишки в шортах, Вова оглянулся. Две секунды он поглядел на любимую девушку, и последний раз толкнул парня в шортах своей могучей кистью, так, что тот отлетел к стене здания.

— В следующий раз следи, что говоришь. — Услышала Алла поучительный голос своего любимого. Через несколько секунд Вова уже подошёл к девушке. Его живот и грудная клетка чётко выделяли кирпичики накачанного пресса,

лицо и руки, обильно смазанные потом, поблёскивали в свете уличной лампы.

— Ты же весь потный, и вышел на улицу. Быстро в помещение! — сказала Алла, и обхватила его рукой за спину, пытаясь протолкнуть в здание. Вова прижал девушку к себе и поцеловал.

— Вова. Ты липкий. — Возмутилась Алла, когда парень отпустил её. Она смущённо поглядела на ребят, стоящих на улице, и гордо отвернулась.

— Ничего, Эл, я сейчас в душ. — Сказал Вова. Он мягко протолкнул девушку, придерживая её за бока, и прошёл в помещение вслед за ней.

Алла стояла на выходе из зала, и ждала Вову. Она наблюдала, как на ринге сменились участники. Кирилл ушёл, и уже другая пара боролась, размахивая яркого цвета перчатками. Вова вышел из раздевалки, уже переодетый и чистый. Через плечо у него висела спортивная сумка. Он шёл рядом со своим другом, и что-то ему говорил. Кроссовки на ногах подходили к его светлым джинсам. Чёрная майка с изображённым черепом, подходила к его недовольному лицу. Грубое, и обременённое тонкими шрамами, оно вызывало жалость. Вова заметил стоящую у стены Аллу, и попрощался за руку с другом.

— Ты что, мылся на неделю вперёд? — спросила Алла, уже уставшая ждать.

— Чистота, это первое правило победы в

бою! — сказал Вова гордо, будто с его уст слетал гимн Украины.

— Пошли. У меня хорошая новость для тебя. — Сказала Алла, взяв парня под руку. Она улыбалась, и Вова понял, что новость действительно стоящая. Но ему в голову пришли мысли о работе в банке, или о благословении её отца, по отношению к Воле.

— И какая же новость? Твой папочка тебя продвинул по лестнице на ступеньку?

Вова не рассчитывал на такой подарок судьбы (в ближайшее время), но очень на него надеялся. Когда будущий тесть директор банка, всегда представляешь себя немного зависимым, и лелеешь мыслью о льготах по получению удачного места.

— Нет. Ты же знаешь, мой папа не любит когда кто-либо незаслуженно занимает свой пост.

— Даже его дочь?

— Да, — весело сказала Алла. — Даже дочь. Поэтому я работаю в его банке всего лишь менеджером.

— Что ты говорила про новость? — спросил Вова и шлёпнул девушку по попке, пропуская её через узкие двери.

— Мне моя коллега посоветовала поучаствовать в одном мероприятии. Там платят неплохие деньги за участие.

— А что делать?

— Что-то типа туристического маршрута. Пройти на время необходимо от точки «А» до точки «Б». Обычное дело для любителей пеших прогулок, за которое платят необычно.

— Почему всегда точки А и Б? Почему не говорят от точки G, до точки... Ну, до другой точки. — Сказал Вова, не найдя подходящего слова, по случаю необычного сравнения.

— Вова. Ты не о том думаешь.

Алла взяла своего парня под руку, кокетливо на него поглядев. Они уже были на улице. Осенний ветер шумел, гоня ветви деревьев по краю небосвода. Листья возмущённо дребезжали и прощаясь разлетались вдоль дороги.

— И что там платят?

— Это работа на выходные. В пятницу начинаем, в воскресенье уже дома. Я думаю, стоит попробовать.

— Твоя подруга посоветовала?

— Да. Она сказала, что участвовала, и знаешь, неплохо заработала. — Уточнила Алла, хоть сама и не знала подробностей.

— Неплохо, это сколько?

— Сто долларов. За выходные. Прикинь.

— Неплохо, — сказал Вова, и сделал задумчивое лицо, немного перекошенное неожиданным фарсом. Он резко заинтересовался подобным заработком. — А если вдвоём будем,

каждому заплатят?

— Завтра узнаем. Ты хочешь пойти?

— Нужно идти, если платят. — Бодро сказал парень, рассчитывая заработать дополнительных денег.

— Завтра пятница, время хватать деньги! — сказала Алла, и, улыбаясь, сжала кулаки, будто пытаясь ущипнуть потоки трепавшего волосы воздуха.

Вова

Вова рос активным ребёнком. Он никогда не замечал границы, между тем, когда следует испугаться и убежать, а когда стоит лезть на рожон. Эта мнимая черта отсутствовала в его понимании, будто собирая по частям его скульптуру, в футляр забыли вложить эти качества. Он всегда шёл напрямик, не сворачивая, как ледокол в Антарктике. Если по дороге попадалось препятствие, его можно пробить. Это было одним из его девизов, удачно фигурирующим с его способностями. Со школьного спортзала Вова начинал свою карьеру спортсмена. Кто-то скажет, что это звучит очень громко, но Вова на это отвечал:

— *У спортсмена есть только начало пути. И он следует по нему до конца жизни, оставаясь*

верен своему занятию. Конец пути будет, когда лопата, предназначенная разрыть место для его могилы, войдёт в землю.

После школы Вова любил выяснять отношения, и далеко не всегда в свою пользу. Проявление настойчивости было его положительным качеством, с лихвой заменявшем ненужные апатию и неуверенность. По телосложению он напоминал больше бегуна, чем боксёра, но обладал высоким ростом с самого детства, и это давало ему фору во многих ситуациях. С годами он окреп и набрал немалый вес.

Вова любил своего младшего брата, и часто защищал его после школы, как только подозревал, что могут возникнуть неприятности. Даже когда его брат после школы просто вёл беседу с кем-то, Вова задерживался и наблюдал со стороны.

— Не важно, что я тебя защищаю, главное, чтоб они знали, что лучше тебя не трогать. — Говорил Вова.

В двенадцать лет Вова начал заниматься боксом. Он уделял этому всё свободное время, и достиг неплохих результатов. Часто по вечерам он набирался практики на улице, хоть его тренер и не одобрял это, но Вова редко прислушивался к чужим мнениям. К пятнадцати годам у него уже был свой небольшой рекорд. Он завалил в бою студента,

которому было двадцать пять лет.

Алкоголь Вова практически не пил (не считая частых дней рождения его друзей, а их у него немало). Первый опыт серьёзных приключений из-за горького эликсира активности (как его прозвал Вова), был у парня в пятнадцать лет. В тот день он пришёл домой с синяками, что было редкостью. На следующий день, с глупым лицом, и стыдливymi глазами он смотрел на себя в зеркало, а за его спиной стоял отец, держа руки скрещенными на груди. Вова не любил подобные ситуации. Стыдно ему было только за побои, несмотря на то, что ругали его больше за алкоголь. Характер у Вовы не идеальный, но и сила не детская. Чем старше он становился, тем сильнее они с братом отличались, будто два куска льда, плывущие по бескрайнему океану, постепенно отдаляющиеся и меняющие форму. Вова стал увлекаться девушками, появилась потребность в деньгах. Те гроши, что давали родители, едва позволяли погулять один день. Да и то, самому. Дама сердца требовала ухода, внимания, и затрат. Чтоб подступиться к ней, нужна финансовая опора. Вова нашёл подработку охранником, но в скором времени понял, что такой труд могли бы оплачивать выше. Он уволился и устроился грузчиком. Работа тяжёлая, но подходящая. Он мог похвастаться тем, что был вынослив. Работа не была

его по престижу. Нечего стыдиться, если ты сам можешь себя обеспечить. Для него понятия стыда не было, и звук шуршащих в кармане купюр утешал его страдающий, и погибающий в глубине души порыв к высотам.

Вова провёл Аллу, и отправился к себе. Они встречались уже третий месяц, и не было недели, чтоб Вова не подарил своей любимой цветок. Он шёл домой и размышлял о том, как ему повезло с девушкой. Его душа пела, придавая бодрости и сил. Да, Алла немного полновата, но это не проблема, ведь ему не нужна доска, у которой вместо мягких форм, набор костей, для куриного бульона (подобный опыт у него был, и он не хотел его повторять). К тому же у Аллы отец директор банка. Это было и хорошо и плохо одновременно. Вова знал, что он наверняка не полюбит «папаше». На первое время возникнут проблемы, но это не важно, главное реже видется с её родителями, и всё путём. А при встречах оживлённо кивать головой, и постараться не послать их раньше времени. Конечно, этот мешок зелёных купюр может сделать что угодно, чтоб лишить дочь такого не этичного общества, но и тут есть свой (хоть и небольшой) плюс. Вова может проверить насколько Алла хочет быть с ним. Он это легко может выяснить, если потребуется. С этими мыслями он подошёл к своему дому, и поднялся на второй этаж, где живёт

с родителями и братом в трёхкомнатной квартире.

— Привет. — Сказал Вова, когда прошёл в кухню, где его отец сидел за столом и читал газету, помешивая ароматный кофе ложечкой в свободной руке. Когда Вова поздоровался, отец кивнул ему в ответ. Добродушно безразличное поведение означало, что отец углубился в дебри буквенного хаоса, и реагирует на всё отстранённо.

— Привет Вова, где был? Почему поздно? — отец задавал вопросы, лишь на мгновение оторвав взгляд от газеты.

— С Аллой гулял. Провёл её домой, вот и задержался, — сказал Вова. Он достал из буфета печенье и жадно бросил в рот несколько штук.

— А ты зачем на ночь кофе пьёшь? — спросил он отца.

— Ты знаешь, — задумчиво сказал отец, — не могу уснуть, если чашечку не выпью. Наверное, привычка.

— Наверно. — Сказал Вова и взял с собой ещё немного печенья. Он пошёл в свою комнату, сел за стол и принялся набирать сообщение в телефоне. Перед ним, на стене висел огромный плакат братьев Кличко, стоящих в шортах, и обвешанных чемпионскими поясами. Вова написал сообщение, в котором пожелал спокойной ночи, и нажал отправить. За стеной слышался грохот. Не слишком громкий, но почему-то вдруг

напрягающий Вову. Это его брат Кирилл, слушал музыку. Вова стукнул по стенке кулаком несколько раз. Не получив никакого эффекта, он отправился в комнату к брату лично. Вова открыл дверь, и звук вырвался из комнаты его младшего брата, как джин из бутылки, распространившись по всей квартире. Кирилл сидел на стуле, поставив на стол ноги, и слушал музыку, оживлённо кивая головой, в такт песне. На столе, вплотную к стене, стоял музыкальный проигрыватель, издающий звуки, которые Вова никогда не мог понять. Играла громкая музыка, одна из тех групп, когда парни в джинсовых куртках, с расстёгнутыми пуговицами, наклоняют микрофон, будто танцуют с ним вальс, и кричат до хрипов. На ногах у Кирилла были носки, сам он сидел в штанах и чёрной майке, с надписью «Metallica» на спине. У него на глазах были одеты тёмные очки, и глядя на себя в зеркало, он высовывал язык. Вова на мгновение ощутил себя на рок концерте. Кирилл услышал, что дверь открылась, и оглянулся. Увидев огромный силуэт в дверях, он сразу сделал музыку тише.

— Ты видел сколько времени? — гневно крикнул Вова. Он не любил шум, но ещё больше не любил, когда его отвлекают от собственных мыслей. Подобные действия по отношению к брату, он считал профилактическими.

— Я уже выключаю. — Ошарашено сказал

Кирилл, и снял тёмные очки, обнажив напуганные глаза. Он сделал громкость на минимум.

— Чтоб я больше не заходил. — Твёрдо сказал Вова и закрыл дверь. Он пошёл к себе в комнату с довольным лицом.

Дима

Дима стоял на выходе из института. Лекции закончились, и парень погрузился в приятные размышления. Невысокого роста, и хилого телосложения, он был частым изгоем, и жил в своём небольшом мирке. Его это устраивало. Но причиной было не отсутствие желания общаться. Просто он выбрал для себя этот путь. Друзья у него были, но проводить время с ними слишком его утомляло. Дима любил побыть наедине с собой, и заняться чем-то пресным. Он любил одиночество, словно получал плату за проведённые в раздумье часы.

С детства он посещал церковь. Его родители, коренные христиане, верили в силу святой воды сильнее, чем стрелок, убивший Кеннеди, верил в силу пули. У каждого ребёнка есть обязательства. Это может быть чистка зубов перед сном, поцелуй родителей перед тем, как отправиться в школу, заплетание косы перед утренником. У Димы таким обычаем была воскресная церковь. Сила привычки